

Атмосфера на борту “Табулария” оставалась под контролем. Несмотря на неожиданно отвернувшуюся от скитариев магоса Дахана удачу на капитанском мостике не было никакой паники. Магос Криптаэстрекс принял управление сухопутным левиафаном и, хотя сапёры ещё не проверили временную конструкцию, соединявшую расселину в леднике, опытной оптикой он признал мост способным выдержать вес.

Подразделения кадианцев уже преодолели расселину, правда, только безрассудный авангард, в данный момент центр недавно возведённого пролёта занимал “Табуларий”. Мост дрожал под его поступью, а с внутренних сторон ледника, где просверлили вспомогательные кронштейны и опоры, падали обломки. Элементы конструкции огромной широкой машины нависли над краями моста, и Линья старалась не думать о том, что произойдёт, если магос Азурамаджелли немного отклонится от центра.

Она подавила ужас, отгородив врождённые синаптические реакции тысячекилометровыми стенами логики. Она заплатит за это позже, но сейчас нужно действовать без ослабляющего способности страха.

Линья выпустила новых дронов, но опустила их ниже сорока метров, чтобы не попадать в тень, и приказала выписывать восьмёрки вокруг высокого шпиля “Томиоки”. Визуальные данные, поступающие от сражавшихся на плато подразделений, потрясли всех, но они – Механикус и встреча с непостижимым была для них обычным делом.

– Магос Дахан получит ценный урок смирения, – произнесла Галатея, прохаживаясь вокруг стола топографов, где мерцавшие символы и бинарные покровы расцветали над гололитической поверхностью красочными полосами. – “Томиока” хорошо защищена.

– Вот почему вы не пошли с ними? – спросила Линья. – Вы знали, что там эти создания?

Галатея посмотрела на неё и от холодного серебра безжизненной оптики по коже Линьи побежали мурашки.

– Нет, но наличие автоматической защиты являлось логической возможностью.

– Возможностью, о которой вы не стали упоминать.

– Мы не видели необходимости. Мы полагали, что архимагос Котов придёт к такому же выводу.

Хотя Линья знала, что это было абсурдно органическим понятием, она могла бы поклясться пачкой фрагментов СШК, что Галатея лжёт.

Предупреждения на бинарном коде и готике проревело из вокс-рогов, и Линья схватилась за стол, когда “Табуларий” задрожал и палуба закачалась.

- Мы на середине моста, - произнёс магос Криптаэстрекс, и сердце Линья забило немного быстрее при мысли об огромных монолитных ногах сухопутного левиафана, с оглушительным грохотом пробивавших слабейшее место пролёта.

- Надеюсь, ваши сапёры полностью закончили работу на противоположной стороне, - сказал Азурамаджелли с поста рулевого управления, части мозга магоса мерцали электрической деятельностью.

- Если вы поведёте нас прямо и перестанете шататься из стороны в сторону, как сейчас, то всё будет в порядке, - огрызнулся Криптаэстрекс, подключённый к системам управления двигательной силы и пытавшийся уменьшить давление двух рядов огромных ног "Табулария".

- Если вы желаете поменяться обязанностями, - сказал Азурамаджелли, сумев передать раздражение в искусственном голосе, - то я с радостью приму управление двигательной силой.

- Моей работе и душевному равновесию очень поможет, если вы двое замолчите и сосредоточитесь на поставленных задачах, - перебила их Линья, выпустив предупреждающий бинарный код. - Это поможет нам пересечь расселину в целости и сохранности.

Ни Криптаэстрекс, ни Азурамаджелли не ответили, но оба показали раскаяние и согласие ноосферными сообщениями.

Затухавшее в земле размытое эхо сухопутного левиафана изменилось, когда огромная машина вступила на наклонные решётчатые опорные плиты адамантиевых распорок, сплошной палубный настил и направленные суспензоры. Линья принимала оптические данные от дрона и наблюдала за пересекавшим мост "Табуларием", миллионнотонный левиафан нависал над нелепо хрупко выглядевшей конструкцией, которую любой рациональный глаз счёл бы совершенно непригодной для чего-то столь массивного.

Но каким бы невозможным это не выглядело, мост Криптаэстрекса стоял прочно и они почти перешли. Шаги сухопутного левиафана снова стали нормальными и Линья выдохнула, примитивная часть мозга всё же поддалась физиологическим функциям, несмотря на максимальные усилия по самоконтролю. Они перешли - хотя конечно им придётся возвращаться этим же путём - и "Табуларий" наклонился вверх, когда Криптаэстрекс направил энергию на двигательные палубы, и они преодолели последнюю сотню метров до плато.

Линья переключалась между десятками визуальных данных от дронов, одновременно изучая информацию из нескольких источников. Скитарии Дахана организованно отступали, обеспечивая друг другу защиту от превосходящих сил врага при помощи взаимной поддержки передвижными стенами щитов. Плато заполнили тысячи ледяных существ, сверкавшее воинство, восставшее из кристаллических пород планеты. Большинство смертных армий, сражавшихся против такого многочисленного врага, были бы уже разбиты, смяты и вырезаны, когда в панике бежали бы с поля боя.

Скитарии не были похожи на смертную армию. Храбрость перед лицом превосходящего врага,

хладнокровие и непререкаемая дисциплина позволяли им продолжать сражаться. Линья видела Дахана в центре самого тяжёлого боя, он отражал вражеские атаки, которые могли помешать отступлению.

Линье не нравился Дахан, но она не могла не восхититься его упорством и преданностью своим воинам.

Одна трансляция привлекла её внимание, и она с недоверием увеличила масштаб.

Робаут Сюркуф находился в эпицентре битвы, грав-сани рывками удирали с поля боя, а двигатель объёло пламя. То, что им удалось так далеко отступить, было чудом Омниссии, но Линья видела, что духу-машине осталось недолго. Сотни кристаллических существ окружали их и по её оценке даже с Чёрными Храмовниками они продержатся меньше минуты.

- Магос Азурамаджелли, - произнесла Линья. - Загрузите изменение курса.

- Ясно.

- Магос Криптаэстрекс, разверните стыковочный захват.

- Слишком далеко, - возразил модератус Марко Коскинен. - Мы не сможем сделать это.

+ Сохраняй веру, + велел Зимнее Солнце. + Я знаю этот титан. Я знаю на что он способен. +

- Как и я, принцепс, но расселина в леднике слишком широка для нас, - упорствовал Коскинен, получая план "Владыки войны" из манифольда. Трёхмерное схематичное изображение возвышавшегося бога-машины появилось на центральном экране командного мостика, медленно вращаясь в окружении потоков данных о допустимых отклонениях и мощности. - Мы должны подождать, пока мост очистится.

Хотя у принцепса Люта не было никакой необходимости - как и смертных глаз - изучать схему, его морщинистое напоминавшее приведение тело проплыло в молочно-серой жидкости амниотического бака и прижалось к бронестеклу. Серебряные кабели, подключённые к обрезанной талии, и позвоночные имплантаты тянулись из спины, словно вставшая дыбом шерсть разбуженного волка.

+ Схемы для схол +, сказал Зимнее Солнце. + Мы на войне, Коскинен. "Луна Капиталина" не ждёт. +

- Гирдрит, поддержи меня, - попросил Коскинен.

- Принцепс, - произнесла магос Гирдрит с возвышения в задней части мостика. - Я всегда

внимаю вашей ниспосланной Омниссией мудрости, но вынуждена согласиться с модератусом Коскиненем. Как только “Табуларий” и техника сопровождения пройдут, мы сможем...

+ Воины Механикус умирают, + прорычал Лют. + Мы можем защитить их от тварей. +

- Мой принцепс, - продолжал Коскинен, нахмурившись, потому что на мгновение в манифольде замерцали призрачные изображения. - Даже если вы правы и у нас получится, нет никаких данных, что земля на той стороне достаточно прочна и выдержит наш вес. Мы...

- Ты сомневаешься, когда принцепс отдаёт тебе приказ? - резко произнёс Йоаким Бальдур с поста модератуса напротив Коскинена. Он покачал головой. - Не удивительно, что Лунная Синь бросил вызов альфе.

Йоаким Бальдур служил модератусом-примусом на “Канис Ульфрика”, но был переведён на “Лупу Капиталину” после смерти Ларса Ростена. Он был “Разбойником” до мозга костей, что делало его воинственным и в лучшие времена, но служба на титане, который едва не убил его принцепса, только заострила злобный язык. Полученные на “Канис Ульфрика” ожоги зажили, но всё ещё было видно, что кожа вокруг глаз и ушей искусственная.

- Ты из экипажа “Разбойника”, - огрызнулся Коскинен, нервы которого - сильно потрёпанные постоянными придирками Бальдура и явным нежеланием служить на “Луне Капиталине” - наконец сдали. - Что, чёрт возьми, ты вообще можешь знать об этом титане?

+ Молчать! “Луна Капиталина” в ярости, + произнёс принцепс Лют. + Вы что не чувствуете её гнев в манифольде? +

- Нет, принцепс, - ответил Коскинен, увеличивая мощность двигательных систем и стараясь не думать об увиденном в манифольде. “Луна Капиталина” устремилась на боевой скорости к расселине. Шаги были широкими, “Владыка войны” двигался быстрее, чем следовало на ледяной поверхности. Коскинен услышал, как Гирдрит зашептала молитву Богу Машине, когда впереди разверзлась пропасть.

Сердце Коскинена сжалось от открывшегося вида, он костями чувствовал, что расселина слишком широкая и невозможно глубокая, чтобы они выжили, если упадут в бездонные глубины. “Владыка войны” ускорил шаг, титан не двигался так быстро уже несколько месяцев, могучие ноги врезались в землю и выбрасывали огромные куски камней и льда.

Они почти бежали, что и в лучшие времена представлялось опасным для такой высокой машины, но им нужна была вся кинетическая скорость, которую они могли получить. Возможно, только это спасёт их от падения в расселину, поэтому Коскинен перенаправил всю до последней капли энергию от пустотных щитов и вспомогательных систем, о которых успел вспомнить, на стабилизирующие механизмы гироскопа в центре огромной машины.

В манифольде вспыхнули гневные красные символы, отмеченные печатями “Табулария”.

Магосы в сухопутном левиафане увидели, что они собираются сделать и предупреждали об опасности.

+ Они думают, что у нас ничего не получится, + рассмеялся Зимнее Солнце. + Я покажу им, на что способен Сириус. +

Робаут испробовал всё что мог, пытаясь удержать сани в воздухе, от молитв до угроз, но машина умирала. Густой дым и случайные гравитационные выбросы вырывались из-под обтекателя двигателя, и за их петляющим неровным следом тянулся чёрный масляный шлейф. Сержант Танна и остальные Чёрные Храмовники израсходовали последние боеприпасы и сдерживали кристаллических существ мечами и кулаками.

- Давай, - сказал Робаут, наконец, увидев высокий корпус "Табулария", который появился на плато в сопровождении множества стальнопыльных танков кадианцев. До исполинской машины оставалось примерно триста метров, но это было всё равно, как если бы левиафан находился на противоположной стороне планеты. Подразделения скитариев отступали по обеим сторонам от саней, некоторые пешком, другие на ужасно повреждённых "Носорогах", но они сражались по своему плану.

Плану, который не учитывал Робаута и Чёрных Храмовников.

Грав-сани опустились, и Робаут почувствовал, как подфюзеляжный киль царапнул землю.

- Вы можете выжать что-нибудь из этих чёртовых саней? - крикнул он Павельке.

- Думаете, я не пытаюсь? - ответила она. - Разъяснение: адептами Марса не рекомендуется использование уничижительных терминов по отношению к машинам, которые могут спасти вашу жизнь.

- Верно подмечено, - произнёс Робаут, когда вышла из строя очередная бортовая система. - Хорошо, слушайте, сани. Если вы вывезите нас отсюда живыми, я обещаю починить каждую вмятину, ожог и пробоину на вашем корпусе. Я заменю каждый повреждённый механизм и больше никогда не подвергну вас опасности. А теперь на хрен доставьте нас к "Табуларию"!

- Не думаю, что она именно это имела в виду, капитан, - сказал Адара.

- Это лучшее на что я способен, сынок. Лучшее на что я способен.

Корма грав-саней отломилась, когда двигатель, наконец, взорвался с рёвом разлетающихся деталей и воем репульсорных полей. Подфюзеляжный киль пропахал борозду, и фронтальная секция саней врезалась в землю под визг разрываемого металла. Робаута швырнуло вперёд в изогнувшиеся подпорки кабины, и скула болезненно треснула о внутреннюю поверхность шлема.

Сани развалились от удара, сбросив павшего Чёрного Храмовника на землю. Воин с белым лавровым венком на шлеме мгновенно прыгнул с обломков и размахнулся огромным чёрным мечом по широкой дуге. Три кристаллических существа разлетелись на части и ещё два отступили, изумрудный свет струился из смертельных ран в грудных клетках.

Секунду спустя остальные Храмовники оказались рядом с ним, сражаясь и расчищая место вокруг поверженного брата от приближавшихся врагов. Сани разбились, и Робаут ударил кулаком по приборной панели.

- Беспольный кусок металла! - крикнул он.

- Пора выбираться, капитан? - спросил Адара.

- Думаю, пожалуй ты прав, - ответил Робаут, видя сотни приближавшихся кристаллических существ сквозь струйки кислорода, улетучившиеся из широких трещин в лицевой панели шлема. - Но не думаю, что нам есть куда спешить.

Он вытащил из кобуры позолоченный лазерный пистолет и встал в погнувшихся дверях кабины.

- Ко мне ублюдки! - закричал он. - Придите и возьмите нас!

Робаут сжал пистолет классическим захватом с вытянутым большим пальцем и начал стрелять в окружавшую сани тесную кристаллическую орду. Первая цель упала с ровным сквозным отверстием в черепе, вторая с такой же раной.

Третья превратилась в стеклянный пар, когда в неё попал снаряд "Покорителя", образовав гигантский кратер. Из-за взрывной волны Робаут потерял равновесие и упал на землю. Десятки дымившихся гильз посыпались вокруг, он перекатился на спину, и в этот момент над ним распростёрлась тень рычащего зверя.

Руки-оружие дрожали от отдачи сиявших мега-болтеров, а пара военных горнов в клыкастой вытянутой пасти выли боевой клич.

- "Вилка"! - закричала Павелька, расслышав имя в вое.

"Пёс войны" перешагнул обломки саней, выпуская потоки огня и вычищая землю от врагов на десятки метров вокруг. Он давил кристаллических существ в порошок гигантскими ногами с когтями и вырезал орудиями ямы в земле с раскалёнными добела краями.

Но он пришёл не один.

Второй “Пёс войны” вырвался из вихря вращавшихся кристаллических осколков, выпуская оглушительные залпы лазерного огня и разрывных снарядов. Его бок покрывали глубокие раны, и благословенные масла стекали по бронированной шкуре. Как и близнец, он яростно выл, убивая с каждым новым звуком из боевых горнов.

Робаут вскарабкался в укрытие дымивших грав-саней, и привёл себя в вертикальное положение, стараясь дышать неглубоко. Он уже чувствовал слабость и головокружение, странное онемение охватывало руки и ноги.

– Боги-машины... – произнёс он, впившись взглядом в лязгающих зубами и воющих титанов, истреблявших вражеских существ.

Он почувствовал, как задрожала земля под исполинской поступью истинного бога-машины.

Руки подхватили Робаута под плечи и потащили в сани. Воины в чёрной броне окружили его, и облачённая в мантию техножрица со смутно знакомым получеловеческим лицом, обернула извивавшуюся металлическую руку вокруг его талии.

– Держитесь, капитан, – раздался голос, он понимал, что должен знать говорившего, но так и не смог вспомнить, кто это. – Они идут за нами!

– Конечно, идут, – сказал Робаут. – Почему бы и не идти...?

Он вытянул шею, когда показался мифический гигант, высокая машина разрушения и мощи. Он был невероятно огромным, чудовищный бог из стали и адамантия с солнцем в сердце и смертью в руках. Гигантская нога с четырьмя пневматическими опорными когтями пронеслась над Робаутом, просыпав дождь кристаллических обломков и раздробленных в пыль камней. Огромная нога бога-машины опустилась, и ледяная поверхность задрожала, как при землетрясении.

Отстреленные предохранители упали на землю, когда автозагрузчики подали боеприпасы в изголодавшиеся затворы и последовательно распахнулись десятки люков пусковых установок. Из уважения к смертным плазменное оружие “Луны Капиталины” бездействовало, но на её плечах активировался арсенал, сопоставимый с целым дивизионом тяжёлой артиллерии. Полосы ракет прочертили параболические траектории над полем битвы, двадцать четыре в первом залпе и ещё двадцать четыре секунду спустя. Шлейфы белого огня вырывались из грозного гатлинг-бластера и тысячи снарядов вылетели из вращавшихся стволов гигантской укороченной многоствольной пушки.

Плато мгновенно исчезло в достигавшей небес огневой завесе и взрывах, и в этот момент летевшие по дуге ракеты обрушились вниз в бесконечной серии карающих мощных ударов. Робаут закрыл глаза от яркого света, чувствуя боль в груди, и как улечиваются мысли из-за азотного опьянения.

Из всех смертей эта, по крайней мере, была безболезненной.

Он улыбнулся, отмечая, что умрёт на планете, которой подарил имя.

Будет ли кто-нибудь помнить это имя?

Он не знал, но это казалось важным.

Сквозь бесконечные залпы трёх богов-машин Робаут услышал тяжёлый лязг металла о металл и почувствовал гул и вибрацию сквозь скафандр. Он ощутил невесомость и открыл глаза, увидев, что земля уходит из-под ног, потому что грав-сани подняли в воздух.

А внизу мир горел в огне богов-машин.

“Ниже ватерлинии” было выражением эпохи, когда корабли плавали по морям Старой Земли, ставшее бессмысленным после того как суда человечества оставили земные океаны, но оно кое-что значило среди крепостных “Сперанцы”. Только теперь так называли не отсеки корабля, которые затопило бы в случае пробойны в корпусе, а самые нижние палубы ковчега Механикус, которые были опасны по множеству причин.

Магоса Касада недавно назначили на руководящую должность среди крепостных после десяти лет проведённых за пересылкой данных, это продвижение, как он надеялся, покончит со сравнительно рутинными обязанностями маршрутизации информационных путей и предоставит шанс отвечать за нечто большее, нежели бинарные разряды и инфоцитные журналы. Правда с двумя ленивыми бездельниками и тремя сервиторами, спускавшимися за ним по металлической винтовой лестнице в холодную темноту, он не чувствовал, что отвечает вообще хоть за что-то.

Все они нервничали, что, по крайней мере, заставляло смотреть по сторонам, а не искать возможность увильнуть от работы.

Примерно так думал Касада.

– И как мы собираемся это сделать? – спросил Нокс, высморкав что-то жидкое и масляное из носа.

Это было ремонтом испорченного главного редуктора одной из водопроводных систем левого борта, ремонтом, который нельзя было назвать обычной рутинной из-за внезапности поломки и места, где она произошла, слишком уж часто стали происходить там аварии.

– Это – наша работа, – ответил Касада, сверяясь с прыгавшей и мерцавшей ноосферной картой, проецируемой в воздухе перед ним. – Каждая работа на службе Омниссии ценна и важна, от самой незначительной до...

- Завязываете с этой мотивационной ахинеей, магос, - перебил его Нокс. - Вам поручили это, потому что вы новенький и не целуете задницу нужного надсмотрщика. Все, у кого в голове осталась хотя бы капля мозгов, держатся подальше от нижних палуб. Слишком темно и слишком много опасного оборудования, которое может оттяпать вам руку, выпотрошить или испепелить кости в пыль.

- Я слышал, что эти палубы облучило во время запуска, когда "Сперанца" отдала швартовы, - произнёс Кэвелл.

Касада понимал, что должен прекратить их подстрекательский разговор, но в том, что они говорили, была правда, и он твёрдо верил, что подчинённые должны знать, что он разделяет их беспокойство.

- В этом есть доля правды, - согласился он, направляясь в коридор с высоким потолком, который судя по карте, вёл на лестницу к трубопроводу. - На нижних палубах отмечен повышенный фон радиации, да, но не такой, чтобы стоило напрасно тревожиться и мы не станем спускаться в самые глубокие области судна.

- Чертовски правильно, - сказал Нокс. - Никто не хрена не знает, что там внизу шарится.

Проигнорировав убийственный сленг Нокса, Касада произнёс. - Поправка: это не так. У меня много карт отсеков, которые мы должны миновать на пути к главному редуктору.

- Вы и так уже внизу, магос, ниже ватерлинии, - сказал Нокс. - Попытайтесь следовать этим картам и потеряетесь, как и все остальные бригады, забравшиеся так далеко.

- А, все эти ужасные истории о приведениях и исчезновениях в глухих местах космического корабля, - сказал Касада. - Я наслышан о таких слухах и страшилках. Они всего лишь выдумки и фантазии, призванные объяснить несчастные случаи и заполнить недостаток информации. Уверен, что они используются для создания единого опыта среди непосвящённых.

- Посмотрим, чего стоят ваши знания, - сказал Кэвелл. - Вы новенький здесь, но научитесь.

- Или не научитесь, - добавил Нокс, проведя пальцем по горлу.

Касада пытался не обращать внимания на их явно нагнетающее панику поведение, но правда заключалась в том, что он действительно испытывал некоторые затруднения, стараясь следовать по предписанному маршруту. Люки находились не там, где должны, отмеченные проходимыми коридоры и межпалубные лестницы оказывались заблокированными гудевшим оборудованием или вообще отсутствовали. Пока ноосферные модификации находили обходные пути, но рано или поздно Нокс и Кэвелл поймут, что он не знает, где именно они находятся.

- И что насчёт них? - спросил Нокс, ткнув большим пальцем на молча следовавших за ними

трёх сервиторов. – Откуда мы знаем, что они не прикончат нас, когда мы окажемся слишком глубоко, чтобы позвать на помощь?

Слухи о невероятных событиях в Пищевом блоке-86 разошлись среди крепостных по всему кораблю и, несмотря на максимальные усилия Механикус остановить их распространение, больше никто не смотрел на сервиторов, как раньше. Рассказы о том, что зачинщики и явно действовавший по своей воле сервитор сбежали от скитариев магоса Сайиксека и скрылись в глубинах судна, только добавляли революционного правдоподобия разговорам о святом присутствии.

– Эти, безусловно, кажутся совершенно покорными, – ответил Касада.

– Да? А возможно они только хотят, чтобы мы думали, что они – безмозглые киборги, а не безжалостные убийцы, которые собираются отомстить нам за превращение в сервиторов, – заявил Кэвелл.

– Ты смешон, – сказал Касада, нахмурившись, когда они дошли до конца коридора и увидели, что у входа в нужный им сводчатый служебный проход свисает искривший кабель. Из лопнувшей трубы с охладителем вырывался горячий пар и по лестнице стекал водопад пенистой воды. Картина напоминала пикт, который видел Касада: водопад в мангровом болоте с лианами и влажным неподвижным паром.

– Туда? – спросил Нокс, всматриваясь во мрак, где шипели и мигали повреждённые водой люмены. – Скажите, что вы шутите.

Касада слышал звуки, напоминавшие тяжёлые шаги, но скорее всего по туннелям просто разносилось эхо каких-то расположенных ниже механизмов. Что-то заскрежетало по металлу, но в таких непосещаемых отсеках столь огромного судна, как ковчег Механикус это было обычным делом. Отсутствие регулярного технического обслуживания порождало всевозможные необъяснимые звуки.

Кэвелл поднырнул под связку перекрученных изгибавшихся во все стороны кабелей и внимательно осмотрел место повреждения.

– Это неправильно, – произнёс он, протягивая руку и касаясь изолированной оболочки рядом с разрывом.

– Мы видели много таких поломок, – возразил Касада. – Во время кошмарного путешествия сквозь Шрам Ореола много кабелей порвались из-за возросшей силы натяжения.

– Нет, – поддержал напарника Нокс. – Он прав, посмотрите. Они перерезаны. Специально.

Касада осмотрел кабель, удерживаемый Кэвеллом, проведя трёхмерным объёмным лазером по

повреждённой части.

– Скажите, что я ошибаюсь, – произнёс Кэвелл.

– Разрез выглядит ровным, – признал Касада. – Я не вижу никаких следов износа и нагрузки на изоляцию, которые можно ожидать в случае разрыва. Нельзя утверждать наверняка, но, похоже, да, этот кабель перерубили. Кто перерубил и зачем совершенно другой вопрос.

Даже произнося эти слова, он знал, что не договаривает. Разрез кабеля оказался таким ровным и с таким чрезвычайно малым отклонением в смежных волокнах, что было просто невозможным для любого известного устройства или лезвия.

По крайней мере, для любого известного Механикус.

Послышалось новое гулкое эхо, снова какой-то механизм с нижней палубы, но Касада понял, что в этот раз звук был ближе, чем прежде. Он посмотрел вниз на широкую лестницу, но вместо мерцавших люменов магос увидел непроницаемую тьму.

– Может нам стоит найти другой путь? – сказал Касада, отступая.

Нокс посмотрел на него, заметив растущее беспокойство.

Он проследил за взглядом Касада и его глаза расширились в страхе, когда что-то огромное появилось из темноты. Удлиненный изумрудный череп существа был выпуклым и блестящим, тонкие конечности цвета слоновой сжались, и оно прыгнуло вверх по лестнице ужасающей органической походкой.

Шептавшие потоки вытесненного воздуха пронесли над ступеньками.

Кэвелл просто исчез, его тело разлетелось на части, словно несчастный прижал к груди взведённую осколочную мину. То, что осталось, упало на лестницу, и Нокс бросился прочь, спасаясь от такой же судьбы.

Он сделал всего три шага, прежде чем его убило высокое существо с веретенообразными конечностями. Казалось, что чудовищная рука всего лишь слегка задела голову Нокса, но макушка исчезла, словно её срезал точный трепанирующий лазер.

Животная часть мозга Касада взывала от ужаса, наполнив тело адреналином, он закричал, повернулся и бросился бежать. Он протолкнулся мимо не сопротивлявшихся сервиторов, пытаясь спастись, убежать от этого демона во тьме ниже ватерлинии. Магос рискнул оглянуться через плечо и издал хныкающий звук неприкрытого страха, когда увидел четыре фигуры с изящными конечностями и вишнёво-красными шлейфами дыма, изливавшимися из воющих посмертных масок.

- Что за... - вот и всё, что сумел выдавить Касада, прежде чем пронзительный вопль пронёсся по воздуху между ним и преследователями. Многофункциональные слуховые имплантаты не выдержали смертоносную звуковую атаку, и из глаз и ушей потекла благословенная смазка.

Касада взвыл от боли, когда оптика зашипела бинарной статикой, а череп заполнила кромсавшая нервы обратная связь. Мозговые имплантаты лишились обострённых входных сигналов от улучшенной аугметики и начали перестраивать синаптические пути, чтобы он снова использовал врождённые чувства. Касада смотрел сквозь перегоревшие матовые линзы, но обычное зрение оказалось размытым, зернистым и непривычным. Он увидел колыхавшиеся смазанные линзами фигуры приближавшихся убийц и с усилием встал. Он знал, что не сможет спастись, но всё равно побежал, ужас управлял его руками и ногами в тщетной попытке продлить жизнь. Тело плохо слушалось, последствия разорвавшего мозг крика ещё не прошли. Скрутившая живот ужасная тошнота и отвратительное головокружение сделали его нетвёрдую походку комично пьяной.

Касада не видел, куда идёт, неаугметированные чувства оказались болезненно притупленными.

Он врезался в металлическую стену, ударился головой о выступ и упал на колени. От последнего унижения по лицу потекла кровь. Он полз, как зверь на брюхе, раненое животное, преследуемое хищником, который упивался муками жертвы.

Между всхлипываниями он слышал безошибочные звуки пронзающих плоть клинков. Один за другим сервиторы, которых он привёл сюда, были зарезаны без сопротивления. Стадо овец, приведённое вслепую на бойню.

- Пожалуйста, - взмолился он, услышав искажённое эхо шагов за спиной. - Пожалуйста, не убивайте меня.

Наконечник чего-то ужасающе острого коснулся его шеи.

- Аве Деус Механикус... - сказал он, сложив руки в форме Шестерёнки Механикус. - Бог Машина со мной, и я не уstraшусь зла...

Последовал резкий удар, и клинок легко прошёл сквозь позвоночник Касада.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657932>